

Сложно подобрать слова, но это выражение подходило Тун Хуайцину идеально.

На нём была светлая футболка Чи Е — мягкий хлопковый трикотаж висел мешком, явно с чужого плеча, открывая ключицы и шею, кожа на которых отдавала нежной, фарфоровой белизною. Взъерошенные, немые волосы растрепались, дыхание всё ещё оставалось обжигающим, а губы алели. Едва заметный изгиб этой улыбки напоминал цветущую ветвь хайтана, мельком увиденную сквозь глубокую ночную росу.

Чи Е засмотрелся.

На самом деле внешность его никогда особо не волновала, но эта улыбка действительно зацепила взгляд.

— Ого! — Чи Ино, привалившись к краю кровати, заговорила во весь голос: — Брат Тунтун, ты наконец-то заговорил!

Едва промелькнувшая мягкость тут же испарилась. Тун Хуайцин вновь обрёл привычный холодный вид и лишь тихо отозвался:

— Угу.

— Есть хочешь? — подхватил стоявший рядом Чэнь Сяньян. — На кухне есть машовый суп, печёная тыква и овощная лапша.

Тун Хуайцин откашлялся и тихо произнёс:

— Немного.

Он молчал больше двух месяцев. Промокнув под проливным дождём и провалившись в бредовый сон от высокой температуры, он помнил лишь ощущение крепких, тёплых объятий и то, как кто-то бережно подносил к его губам пиалу с горячей водой, поил капля за каплей.

Голос оказался не таким осипшим, как можно было ожидать.

Гудящая боль в голове тоже заметно утихла.

Вот только поясница по-прежнему отзывалась тупой ломотой.

Сладковатый машовый отвар, похоже, сдобрили леденцовым сахаром. Тун Хуайцин дул на наполненную ложку: густая, тягучая жижица цеплялась за белый фарфор. Он пил из пиалы маленькими глотками — суп разварился до идеальной мягкости и был приятной, не

обжигающей температуры.

Чи Ино увязалась за старшим братом на кухню, а вернулась уже с огрызком огурца, которым аппетитно хрустела на весь дом.

Чи Е перевёл взгляд с неторопливого, изящного Тун Хуайцина на свою фонтанирующую энергией сестрёнку, и в душе у него скребнула странная досада.

— Всё, марш спать, — махнул он рукой, прогоняя детей. — Завтра в школу вставать.

Понедельник не щадил ни младшекласников, ни среднюю школу.

Чэнь Сянъян уже вовсю зевал. Поташив за собой Ноно чистить зубы и умываться, он затеял с ней привычную перепалку. Дверь осталась слегка приоткрытой. Чи Е повернулся и увидел, что Тун Хуайцин уже протягивает ему пустую пиалу.

— Совсем разбаловался, — Чи Е даже не шелохнулся. — Пойди и сам помой.

Тун Хуайцин спокойно отрезал:

— Поясница болит.

Готовил в доме Чи Е, и основную посуду мыл тоже он, но заведённое правило гласило: каждый убирает за собой свою пиалу. Он и детей воспитывал в строгой самостоятельности — никакой тяжелой повинности, но то, что по силам, делай сам.

Тун Хуайцин всё так же держал руку на весу, подвернувшийся рукав обнажал тонкое, бледное предплечье.

Чи Е посмотрел в пиалу, и лицо его потемнело:

— Ты почему не доел?

Тун Хуайцин ровным голосом ответил:

— Наелся.

— Я тебе что, кошка, что ли, недоедки подбирать? — с ворчанием Чи Е царапнул пиалу и ушёл на кухню. К счастью, на дне оставался лишь один глоток, с этим его терпение ещё могло смириться.

Возвращаясь, он на ходу размышлял: сам-то спит прямо напротив, случись что ночью — этот болезненный всегда может окликнуть. Стоит ли тащить сюда раскладушку? С этой мыслью он толкнул дверь и застыл: Тун Хуайцин уже сполз с кровати. Одной рукой он впился себе в поясницу, другой упёрся в стену, лицо исказила гримаса боли.

— Ты чего?

Тун Хуайцин процедил сквозь зубы:

— Больно.

Чи Е шагнул вперёд и подхватил его под локоть:

— Так и лежал бы спокойно. Чего подскочил?

Врач уже осмотрел его и сказал, что дело в старой травме, усугублённой растяжением при падении. Ничего смертельного, нужен лишь строгий постельный режим да покой.

— Мне в туалет надо, — Тун Хуайцин прижал ладонь к боку. — Нога... почти не слушается.

Чи Е крепче сжал его локоть:

— Давай донесу.

Он как раз собирался, когда спадёт жар, растирать ему поясницу домашней настойкой на бальзамине — старое народное средство отлично разгоняет кровь и снимает отёки при ушибах.

Однако Тун Хуайцин среагировал чересчур бурно:

— Нет!

— А?

Чи Е уже занёс руку, собираясь подхватить его под колени, но увидел, как тот упрямо сжал губы.

— Не надо меня нести. Сам дойду.

Один туалет был на втором этаже, а второй — во дворе, туда ещё шагать и шагать. Чи Е лишь хмыкнул:

— Переживёшь, вешишь-то как пёрышко.

Такого заморыша он мог одной рукой на весу удержать.

Тун Хуайцин сжал губы ещё сильнее. Ответать не стал — просто отпихнул руку Чи Е и, проявив удивительную гордость, шаг за шагом поплёлся вдоль стены, цепляясь за штукатурку.

Выглядел он при этом как деревянный краб.

Чи Е скрестил руки на груди, наблюдая за этим зрелищем. Он лишь плечом оттолкнул створку двери, освобождая путь, и отступил на пару шагов, с интересом следя, как Тун Хуайцин, сжав зубы, цепляется за стену. Левая ладонь упиралась в бок, отчего изгиб талии казался совсем тонким.

— Скажи «брат», и я тебя отнесу, — предложил Чи Е.

— Пошёл к чёрту, — отрезал Тун Хуайцин.

Ого, ну и нрав у принца!

Чи Е даже усмехнулся.

Если честно, ему уже много лет никто не смел так хамить. Взрослые люди обычно взвешивают выгоду и риск и не распускают язык — иначе на улице быстро научат уму-разуму.

Этого парня вообще в жизни хоть раз учили манерам?

Чи Е не стал его дёргать, позволяя Тун Хуайцину мелкими шажками ползти мимо. Свет во дворе не горел, но ночь после дождя выдалась удивительно светлой и чистой, будто умытой. Поникшие под ливнем ветки деревьев снова распрямились, подставляя луне сочные, расправившиеся листья.

Тун Хуайцин замер под навесом и долго не шевелился.

— Ну, чего встал? — раздался сзади смешок Чи Е.

Он всё так же стоял, прислонившись к дверному косяку с развязной грацией, половина его лица утопала в тени.

— Чего застыл-то? Ползи дальше.

Тун Хуайцин не обернулся.

Только растрёпанный хохолок на макушке торчал с удивительным упрямством.

Загвоздка заключалась в том, что уборная стояла отдельно, напротив дома. А чтобы пройти туда от крыльца, надо было преодолеть открытое пространство, где не было никакой стены, чтобы опираться.

Ломота в пояснице сковывала всё тело, мышцы одеревенели.

Тун Хуайцин разомкнул пальцы.

И шаг за шагом двинулся вперёд.

— Да чего ты ломаешься? — Чи Е чуть склонил голову набок. — Стесняешься, что ли? Я ж тебя не в первый раз вижу.

Тун Хуайцин резким движением обернулся.

Его глаза округлились от искреннего изумления, и этот взгляд мгновенно напомнил Чи Е одну черепаховую кошку, которую он когда-то приютил.

Шерсть у неё была клочковатая, невзрачная, а характер — дикий и неприступный.

Бывало, купишь свиной печени, мелко накрошишь, перемешаешь с паровой булочкой, зальёшь кипятком... Едва Чи Е ставил миску, как комочек шерсти молнией отскакивал назад, прижимал уши и вылуплялся огромными, расширенными зрачками.

Сколько ни корми — всё равно смотрела как на врага.

Чи Е тогда был пацаном и ещё не умел вовремя отступить. В нём жила простая уверенность: если ты к кому-то с душой, то и тебе должны отвечать тем же. Поначалу он ужасно обижался на неблагодарную тварь. Возвращаясь из школы, пытался её погладить, но со временем плюнул на это дело.

Не даётся — и не надо.

С тех пор он просто молча накладывал ей еду.

Многое из тех времён выветрилось из памяти Чи Е. Он помнил лишь один день — самый тяжёлый в его жизни. Когда он, избитый, в синяках и сплошной боли, вернулся домой и

бессильно опустился на землю прямо во дворе, пытаясь перевести дыхание.

И вдруг почувствовал, как к его руке прикоснулся влажный, холодный носик.

Разомкнув налитые кровью веки, он увидел перед собой дохлую серую мышь.

Кошка тут же отступила на шаг, аккуратно подогнула лапки и уселась на землю. Взгляд её оставался диким, коснуться себя она по-прежнему не давала.

Но эта глупая тварь ходила на охоту.

И принесла ему то, что считала самой большой ценностью на свете.

Под мягким светом луны голос Чи Е подсознательно смягчился:

— Да ладно тебе. Ты когда в первый раз слёг, я тебе сам одежду переодевал. И сегодня, когда ты насквозь промок, тоже пришлось...

Договорить он не успел. Тун Хуайцин с выражением глубочайшего отвращения на лице отвернулся и сквозь зубы уронил:

— Извращенец.

Чи Е аж поперхнулся.

Только что «спасибо» шептал, а теперь — «извращенец»?

Это что за фокусы? То смотрел с нежностью, а через секунду — как на заклятого врага?

Чи Е стригся под ёжик, у него были узкие глаза с одинарными веками, широкие плечи и тёмная от загара кожа. Когда он не улыбался, лицо приобретало суровое, почти хищное выражение.

А стоит ему прищуриться — от него так и веяло опасностью.

Годы, проведённые в низах, научили его уму-разуму. Он умел ладить с любым сбродом и прекрасно знал, что лбом стену не прошибёшь: бьют всегда по живому, нащупывая чужую слабость.

Раз уж этот неблагодарный дикарь смеет называть его извращенцем...

Что ж, ладно. Он покажет ему, на что способен.

Тун Хуайцин всё так же упорно полз вперёд. Жар только-только спал, тело прошиб пот, а из еды в нём была лишь половина пиалы машового отвара. Он был слаб, ноги подкашивались в коленях.

Он даже не услышал, как Чи Е бесшумно возник у него за спиной.

— Точно не надо подержать?

Дылда Чи Е наклонился к самому его уху; горячее дыхание обжгло кожу, заставив сжаться от щекотки.

Тун Хуайцин мгновенно встал дыбом.

— Не надо, — он гневным взглядом снизу вверх обмерил Чи Е. — Сам дойду. А ты проваливай и не...

— А я и не предлагал вести тебя под ручку.

Чи Е так и остался стоять, склонившись над ним. Лунный свет отбрасывал длинные тени, сливая их силуэты на земле в один.

Его голос, подпорченный табаком, прозвучал низко и хрипло.

И этот хриплый шёпот вторил его взгляду, опустившемуся куда-то ниже пояса Тун Хуайцина.

Тун Хуайцин ёжился под этим взглядом и с недоумением заглянул ему в лицо.

А Чи Е неторопливо закончил мысль:

—... Тебе же в туалет надо? Я имел в виду — подержать его тебе.

На мгновение во дворе воцарилась звонкая тишина.

И тут же раздалась сухая, хлёсткая пощёчина!

Голова Чи Е осталась откинута в сторону. Он замер в этой позе, не шевелясь.

Тун Хуайцин тяжело дышал, глядя на свою горящую правую ладонь. Надо же, так врезал, что аж у самого пальцы занемели.

Воздух между ними густел.

Обычно в таких опасных перепалках люди стараются вовремя отступить или дать противнику сохранить лицо — в конце концов, пощёчина уже отвешена, спесь сбита.

Но Тун Хуайцин подумал совсем о другом: «И чего это он застыл? Может, пока он тупит, съездить ему и по второй щеке?»

Чи Е второго шанса ему не дал.

Он с силой схватил его за плечо, собираясь потащить за собой, но, сообразив, что у того повреждена поясница, скользнул второй рукой ниже, подхватил под колени и легко вскинул на руки.

— Пусти!

Тун Хуайцин снова занёс ладонь для удара, но Чи Е одной рукой перехватил оба его запястья, сжав так, что не дёрнуться. Оказавшись в таком положении, Тун Хуайцин висел, вплотную прижатый к широкой груди Чи Е. Лицо упёрлось в крепкие, литые мышцы, и он отчаянно забился в его хватке:

— Сволочь! Сними меня!

— Выродок! Скотина!

Чи Е пинком распахнул дверь уборной. Но опускать пленника и не подумал — прямо так, навесу, он развёл его ноги в стороны, развернув лицом к унитазу.

Спина Тун Хуайцина намертво прижалась к его твёрдому животу. От шока у парня даже зубы застучали:

— Ты... ты что делаешь?!

Чи Е чуток приподнял его, следя, чтобы спина оставалась прямой и поясницу не защемляло, после чего чеканно произнёс:

— Сам идти отказывался. Так тебя устроит?

Он с искренним удовольствием уставился на моментально алеющие кончики ушей Тун Хуайцина и ядовито добавил:

— Что застыл? Мне ещё и ширинку тебе расстёгивать?

Он цепким взглядом мазнул по его бёдрам:

— Ах да, ты же в моих шортах. Тут нет молнии, только резинка.

У Тун Хуайцина зазвенело в ушах. Вырваться не удавалось: пальцы Чи Е мёртвой хваткой впились в его подколенные сгибы, разводя ноги ещё шире.

Стыд выжигал всё изнутри.

Куда делся тот спокойный семейный мужик, что стоял у плиты и терпеливо учил детей уму-разуму? Сейчас перед ним стоял отпетый, наглый бандит.

— Что, реально ждёшь, пока я тебе трусы сдёрну? — продолжал распалаться Чи Е.

Тун Хуайцин мелко задрожал всем телом.

Хватит с него.

Чи Е уже собрался было бережно опустить его на землю, как вдруг застыл.

Тун Хуайцин закрыл лицо ладонями.

И всхлипнул, залившись слезами.

<http://bllate.org/book/19966/1985802>